

К. И. ЗУБКОВ (Екатеринбург)

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО СТРУКТУРИРОВАНИЯ (Из истории методологических идей)

Несмотря на основательную изученность многих сюжетов и событий истории Урала, закономерности формирования его пространственной структуры как целостного, исторически сложившегося региона до сих пор относятся к числу малоисследованных проблем. Без больших натяжек можно утверждать, что анализ региональной истории в определенных "территориальных рамках", в силу абсолютного господства описательно-эмпирических подходов и метода диахронного анализа, в большей степени обусловлен а priori сложившейся территориальной организацией исторических исследований, чем сознательным и строгим выделением объекта изучения.

Возможность рассмотрения истории Урала в ее не формальном, но сущностном единстве непосредственно зависит, таким образом, от нахождения ясных и обоснованных критериев определения границ региона через выявление воспроизводящих его единство структурных взаимосвязей. При этом следует учитывать по крайней мере три важных методологических условия: первое – то, что обуславливающая региональную интеграцию структура связей является исторически изменяющейся, "развертывающей" себя через постепенное насыщение новыми признаками и свойствами; второе – то, что эта структура связей в большинстве случаев является "неполной", соответствующим образом ориентированной, поскольку сама выступает функциональной подсистемой более крупной и сложной структуры – государственной территории; и, наконец, третье – то, что по сравнению с темпом "сквозных" общеисторических процессов, связанных с изменением отдельных элементов региональной структуры (экономических, социальных, политических, культурных), структурные связи и отношения более инертны, относительно постоянны в пределах достаточно длительных временных протяженностей. (Это, собственно, и позволяет историку использовать в познании прошлого комбинацию историко-генетических и структурно-логических методов).

Исторические описания подчас дают примеры поразительной устойчивости (почти инвариантности) структурно-функциональных связей, определяющих региональную специфику. Так, описывая местоположение "Вятской области", лежащей между костромским Галичем и Прикамьем, С. Герберштейн (1549 г.) отмечает, что путь от Галича до Вятки "затруднен болотами и лесами", где "повсюду бродит и разбойничает народ черемисов" (в связи с чем более легок и безопасен путь "через Вологду и Устюг"), а сама Вятская земля "болотиста и бесплодна и служит своеобразным убежищем для беглых рабов, изобилует медом, зверями, рыбами и белками"[1]. Почти два века спустя В. Н. Татищев в "Лексиконе российском..." (1730-е – 1740-е гг.) так описывает "Вятскую провинцию": "Ся провинция хотя многими лесами и болотами наполнена, однако ж жит от избытка немалое число к городу Архангельску и вниз до Астрахани отпускают, к тому медов и зверя довольство"[2]. Тем не менее несколько позже М. В. Ломоносов в работе "О сохранении и размножении российского народа" (1761 г.) отмечает по-прежнему характерную для этой территории атмосферу "разбойничьего рая": " Однако многие места есть в России глухие, на 500 и больше верст без городов, прямые убежища разбойникам и всяким беглым и беспашпортным людям; примером служить может лесистое пространство около реки Ветлуги, которая,

на 700 верст течением от вершины до устья простираясь, не имеет при себе ни единого города. Туда с Волги укрывается великое множество зимою бурлаков, из коих немалая часть разбойники. Крестьяне содержат их во всю зиму за полтину человека, а буде он что работает, то кормят и без платы, не спрашивая пашпорта"[3]. Это наложение нескольких синхронных срезов региональной сцены позволяет увидеть, помимо известных приобретений исторического прогресса, существенные инвариантные черты региональной структуры территории, в частности, ориентацию ее ограниченных коммуникационных "выходов" вдоль речных магистралей в северном и южном направлении, ее застойность и чисто маргинальное, если не вообще "негативное", значение (глухой водораздел между территориями Центра и Урала) с точки зрения господствовавшего в русской истории стратегического вектора преемственно развивавшейся хозяйственной колонизации (как и распространения цивилизованных форм государственности) с запада на восток.

Характерно, что и при районировании в 1920-х гг. выделенная проектом Госплана территориально обширная Вятско-Ветлужская область рассматривалась как слишком слабая (и в этом смысле несамостоятельная) хозяйственная единица, отчетливо несшая на себе признаки маргинальности: ее сколько-нибудь ценный экономический потенциал дезинтегрировался тяготением, с одной стороны, к району Средней Волги (проект Нижегородско-Вятской области) и, с другой, к Прикамскому Уралу[4]. Данный исторический пример интересен прежде всего как иллюстрация "дискретности" в исторически последовательном ходе хозяйственного освоения территории России и, с этой точки зрения, как очевидный признак сильнейшей структурированности регионального развития.

По-видимому, начальным звеном в формировании Уральского региона как определенного структурного единства следует также считать тот этап русской колонизации, который зафиксировал важный момент прерывности в "однообразии природных форм"[5], до сих пор ведущем к сравнительной однородности хозяйственных занятий населения Русской равнины и затруднявшем взаимное экономическое тяготение и прочное сцепление ее отдельных редко населенных частей. Этот достаточно резкий переход от равнинных, впоследствии в основном промыслово-земледельческих, частей Европейской России к неплодородной, но богатой своим природным разнообразием Уральской горной стране восторженно-эмоционально зафиксирован в летописных текстах: "Промеж сих (Московского государства и Сибирской страны – К.З.) камене и горы превысокия зело, яко инем холмом до облак небесных досязати. На горах же каменных различии кедри и иная дресеса. В них же живяху зверие различии, овии угодны на снение человеком, еже есть елень, лось, заяц или таушкан; инии же на украшение одеждам: лисица, бобр, россасаха, соболь, белка, // подобная же сим и сладкопеснивые птицы и многоразличныя травныя цветы. И реки многия истекоша, овии поидоша в руския страны, овии в Сибирскую землю; в реках же камене велико зело, реки же прекрасны, в них же воды сладкия и рыб различных множество, и луги многия, и места скотопитальная пространна зело"[6]. Это сопряжение – не только физико-географических контрастов, но и почвенно-геологических и природно-хозяйственных разностей – потенциально обеспечивало естественно-географический фундамент для структуры интенсивных хозяйственных обменов между горной, в будущем индустриальной, частью Урала и прилегающими к ней с запада и востока сельскохозяйственными равнинными территориями. Именно в этих географических границах в дальнейшем должен был развиваться экономически

обусловленный процесс регионообразования.

В 1920-е гг., когда вопросы о рациональной организации хозяйственной жизни страны были впервые тесно сопряжены с программой ее научно обоснованного экономико-географического районирования, русскими географами были сделаны первые попытки связать исторические процессы регионообразования со структурными закономерностями освоения человеком различных географических сред. В.П.Семенов-Тянь-Шанский при этом отмечал такой экономогеографический закон, как зависимость резкой смены характера и типа экономической деятельности от "известного нарушения в строении земной коры", связанного либо с избытком горных пород, либо со сменой климатических особенностей, а следовательно, и характера почв и растительного покрова. В значительной степени базируясь на исследовании формирования Уральского горнопромышленного района, географ подчеркивал, что "нерасчлененность рельефа имеет следствием преобладание использования поверхностных богатств над использованием недр" и, соответственно, наоборот⁷ Попытки связать процессы регионообразования со строгими геодетерминистскими зависимостями сталкивались однако с серьезными методологическими трудностями, прежде всего, в аспекте очевидной нетождественности естественно-географических предпосылок развития того или иного вида деятельности и общественно-исторических форм его актуализации. (Особенности развития Урала как горнопромышленного региона и с этой точки зрения весьма показательны: несмотря на достаточно острую потребность государства в металлах в XVI—XVII вв., естественные предпосылки развития горной промышленности на Урале долгое время не могли реализоваться в порядке общего исторического прогресса, т.е. в ответ на хозяйственные нужды страны, и сколько-нибудь заметно переломить инерцию аграрной по своему типу колонизации. В течение всего XVII в. масштабы поисков рудных месторождений на Урале оставались ограниченными и эпизодическими, а деятельность первых металлургических заводов — Ницинского и Пыскорского — отличалась неустойчивым характером).

Значительная часть русских географов начала XX в. стремилась найти ответ на данную проблему в рамках так называемой антропогеографии — научного направления, обоснованного и развитого немецким географом Ф.Ратцелем. В представлении одного из энтузиастов антропогеографии, русского географа Л.Д.Синицкого, эта отрасль географического знания охватывала практически весь спектр проблем, связанных со структурными аспектами регионообразования: почему "в известные моменты те или другие пункты на Земле являются как бы центрами притяжения для населения, как изменяется во времени притягательная сила этих пунктов, почему население отливает от других мест, по каким путям идет передвижение, где образуется застой, как в зависимости от данной географической среды поселяются и расселяются люди, как влияют на характер поселений физические условия, почему развиваются и процветают одни поселения и гибнут другие, какие изменения вносит в физическую среду культурная работа человека, как влияет на жизнь человеческого общества эта измененная среда и т.д." [8].

Вероятно, наиболее интересный аспект антропогеографического подхода к истории и вытекающей из него научной программы связан с выделением в механизме функциональных связей человека с природной средой, наряду с "первичными" антропогеографическими единицами, отличающимися типичным единообразием культурного ландшафта и человеческих элементов географической среды (что фиксируется прежде всего на уровне эндогенных примитивных обществ и хозяйственных укладов), дистанцированных от данной местности так называемых

“антропогеографических центров действия” Данный концепт позволял представить процесс регионообразования как равнодействующую, с одной стороны, структурно-функциональных зависимостей, непосредственно детерминируемых данной географической средой, и, с другой, соответствующим образом структурированных внешних сил и влияний, сформированных за пределами данной территории. По существу, не покидая почвы геодетерминизма, сторонники антропогеографии стремились как бы разложить на составляющие и представить в более глубоком и дифференцированном – структурном – аспекте тот феномен, который в марксизме был не вполне определенно обозначен как опосредующая роль “общественной среды” в процессах влияния среды географической на человека. Это до известной степени позволяло антропогеографии сравнительно “мирно” сосуществовать с марксизмом, служить известным конкретно-научным дополнением его методологии. Однако к концу 1920-х гг. антропогеография столь же “мирно” – без типичной для того времени разгромной критики – сходит с научной сцены.

Между тем, эта ситуация эта в общих чертах может быть объяснена тем, что логика антропогеографического метода закономерно вела в двух расходящихся направлениях: с одной стороны, к сдаче его позиций перед марксизмом (путем подмены широкого спектра географической влияний механизмами социально-экономической детерминации), с другой, к развитию структурных методов анализа взаимосвязи общества и географической среды в рамках более тонкого и системно обоснованного инструментария геополитики. Последняя, сохраняя в целом геодетерминистскую и структуралистскую основу антропогеографии, заменяла несколько искусственный, до известной степени химерический, концепт “антропогеографических центров действия” анализом приложения к конкретным территориям географически-обусловленных политико-стратегических, шире говоря – управленческих, решений. Это в свою очередь открывало возможность анализировать процесс формирования регионов сквозь призму более широких – национальных и мировых – структурных взаимосвязей между географической средой и политически организованными обществами.

1. Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московии. М., 1988. С. 162.
2. Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С. 227—228.
3. Ломоносов М.В. Избранная проза. М., 1986. С. 315.
4. Константинов О.А. СССР по районам: Уральская Область. М.-Л., 1928. С. 26.
5. Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. История России с древнейших времен. Т. 1—2. М., 1988. С. 56.
6. ПСРЛ. Том 36-й. Сибирские летописи. Часть I. М., 1987. С. 32.
7. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Район и страна. М.- Л., 1928. С. 140—141.
8. Синицкий Л.Д. Очерки земледования: (Антропогеография). М.- Пг., 1923. С. 4—5.

В.Н.ИЛЬЧЕНКО (Екатеринбург)

ИСТОРИКИ 1960-х - 80-х ГГ. О САБОТАЖЕ НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ УРАЛА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

По мнению историков, противодействие введению рабочего контроля и национализации промышленности на Урале было организованным и острым как со стороны буржуазии, так и со стороны служащих промышленных предприятий. Как правило,